

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Болеслав Прус

—
АНТЕК

ДЕТГИЗ ~ 1953

К Н И Г А З А К Н И Г О Й

БОЛЕСЛАВ ПРУС

А Н Т Е К

Рисунки А. Тарана

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1953 Ленинград

*Сокращенный перевод с польского
Е. Живовой*

АНТЕК

Антек родился в деревне на Вйсле.

Деревня эта раскинулась в небольшой долине. С севера ее окаймляли пологие холмы, покрытые сосновым лесом, а с юга — бугристые пригорки, поросшие терновником, орешником и шиповником. Здесь особенно звонко распевали птицы, и сюда чаще всего приходили дети рвать орехи или разорять птичьи гнезда.

Когда стоишь посередине деревни, видишь, как обе гряды гор бегут друг к другу, чтобы встретиться там, где по утрам встает багряное солнце. Но это только так кажется.

За деревней, между холмов, тоже тянется долина; в ней зеленеет перерезанная речушкой лужайка.

Там пасется скот и тонконогие аисты охотятся за лягушками, квакающими по вечерам.

С запада деревня замыкалась плотиной, за плотиной текла Висла, а за Вислой снова поднимались холмы, но уже известковые, голые.

Возле каждой деревенской хаты был садик; в садике росли венгерские сливы, а сквозь листву мелькали черная от сажи труба над серой соломенной кровлей и пожарная лесенка. Лестницы эти завели недавно, и люди думали, что они будут лучше охранять их от пожаров, чем гнезда аистов. Поэтому, когда где-нибудь начинался пожар, все очень удивлялись, но дом не спасали.

«Видать, прогневался господь на хозяина, — толковали люди. — Вот он и погорел, хоть и лестница у него новая была. Да и за старую, у которой жердочки сломались, он штраф заплатил».

В такой деревне родился Антек.

Положили его в некрашеную зыбку¹, оставшуюся после умершего брата, и в ней он спал два года. Потом появилась на свет сестра Розалия, и ему пришлось уступить ей место, а самому, как человеку, уже достаточно взрослому, переселиться на лавку.

Весь этот год он качал сестру, а весь следующий — знакомился с миром. Раз он упал в реку, в другой раз ему попало кнутом от проезжего возницы за то, что его чуть не задавили лошади, а в третий раз его так искусили собаки, что он две недели пролежал на печке. Итак, он уже немало испытал. Зато на четвертом году жизни отец подарил ему свой суконный жилет с медной пуговицей, а мать приказала присматривать за сестрой.

¹ Зыбка — люлька, колыбель.

Когда Антеку исполнилось пять лет, его заставили пасти свиней. Но Антек не очень-то смотрел за ними. Он предпочитал глядеть на другой берег Вислы, где за известковым холмом то и дело показывалось что-то высокое и черное. Оно выползало слева, словно из-под земли, поднималось вверх и падало направо. За первым следовало второе и третье, такое же черное и высокое.

Между тем свиньи, по своему обыкновению, залезали в картофель. Мать, заметив это, так отделала суконную жилетку Антека, что у него дух захватило. Но он был мальчик добрый, не таил в сердце злобы и потому, наплакавшись вволю, подошел к матери и, одергивая жилет, спросил:

— Мама, а что там, за Вислой, ходит такое черное?

Приставив руку к глазам, мать посмотрела в ту сторону, куда показывал пальцем Антек, и сказала:

— Там, за Вислой? Не видишь ты, что ли, что это мельница крыльями машет? А в другой раз получше за свиньями поглядывай, не то крапивой выдеру.

— Ага! Мельница! А кто же она такая?

— Вот дурачок! — ответила мать и убежала по своим делам.

Да и когда ей было возиться с мальчишкой и ломать голову, как объяснить ему, что такое ветряная мельница!

Но Антеку эта мельница не давала покоя. Он видел ее даже ночью во сне. И такое обуяло его любопытство, что однажды он пробрался на паром, перевозивший людей на другой берег, и поехал по Висле.

Он доехал, взобрался на известковую гору, как

раз в том месте, где висело объявление, что тут ходить нельзя, и увидел мельницу. Она показалась ему похожей на колокольню, только потолще, а вместо окна у нее были накрест прикреплены четыре больших крыла. Вначале Антек не понимал, что это и к чему. Но пастухи живо объяснили ему, и он узнал все. Прежде всего, что на крылья дует ветер и крутит их, как листья. Затем, что на мельнице перемалывают зерно на муку. И, наконец, что живет в ней мельник, который бьет свою жену и который так умен, что умеет выводить крыс из амбаров.

После этого наглядного урока Антек вернулся тем же путем домой. Досталось ему от перевозчиков, всыпала ему и мать. Но это все пустяки. Антек был счастлив: он удовлетворил свое любопытство. Правда, спать он лег голодный, но всю ночь ему грезилась то мельница, перемалывающая зерно, то избивающий жену мельник, который умел выводить крыс из амбаров.

Этот незначительный случай оказал влияние на всю дальнейшую жизнь мальчика. С этого дня он от зари и до зари строгал палочки и складывал их накрест. Потом выстрогал столбик и до тех пор прилаживал к нему палочки, обтесывал и устанавливал, пока не выстроил мельничку, которая вертелась на ветру точно так же, как та, за Вислой.

Что это была за радость! Теперь Антеку не хватало только жены, которую он мог бы колотить, и тогда он стал бы уже настоящим мельником.

До десяти лет Антек сломал четыре ножика, зато выстрогал замечательные вещи. Он делал мельницы, заборы, лестницы, колодцы и даже целые хаты. Люди диву давались и говорили матери, что из Антека

выйдет либо искусный мастер, либо большой бездельник.

За это время у него появился брат Войтек, подросла сестра, а отца придавило деревом в лесу.

Розалия была в доме большой подмогой. Зимой она мела хату, носила воду и даже умела сварить похлебку. Летом ее посылали вместе с Антеком пасти скотину, зная, что мальчик, занятый своим строганьем, не устережет коров. Сколько его ни колотили, сколько ни упрашивали, сколько ни плакали над ним — ничто не помогало! Мальчик кричал, обещал слушаться, даже плакал вместе с матерью, но продолжал свое, а скотина залезала в чужие огороды.

Только когда сестра пасла вместе с ним, все было хорошо: он строгал палочки, а она смотрела за коровами.

Нередко мать, видя, что девочка хоть и меньше, а умнее и старательнее Антека, жаловалась старому куму Анджею, ломая руки:

— Что мне, бедной, делать с выродком этим? И по дому от него никакой помощи, и за скотиной он не смотрит, а все только палочки свои строгают, словно порченный какой. Не бывать ему, видно, не то что хозяином, но и батраком. Так и останется дармоедом, людям на смех, богу на грех.

Анджей, сплавливающий смолу лес и выдавший всякие виды, утешал расстроенную вдову:

— Хозяином ему не быть — тут и толковать нечего, да и ума у него на это не хватит. Стало быть, надо его сначала отдать в школу, а потом — к мастеру. Выучится он грамоте, выучится ремеслу — и если не избалуется, сможет прожить.

Вдова, всплеснув руками, отвечала:

— Ох, кум, да что это вы говорите! Не зазорно ли хозяйскому сыну за ремесло приниматься и невесть на кого работать?

Анджей пустил дым из деревянной трубочки и сказал:

— Зазорно-то зазорно, да ничего не поделаешь. — Потом, обернувшись к Антеку, сидевшему на полу возле скамьи, спросил: — Ну, говори, постреленок: ты кем хочешь быть — хозяином или мастером?

И Антек в ответ:

— Я буду строить мельницы, что зерно мелют.

Так он отвечал всегда, хоть и знал: только рукой на него махнут, а иной раз и веником.

Антеку было уже десять лет, когда восьмилетняя сестра его, Розалия, тяжело захворала. Как легла она с вечера, так наутро нельзя было ее добудиться. Глаза у нее помутились, а сама она вся горела и несла околесицу. Мать сперва было думала, что девчонка прикидывается, и дала ей несколько шлепков. Но когда это не помогло, она натерла ее горячим уксусом; а на другой день напоила водкой с полынью. Все впустую — даже хуже стало: от водки выступили у девочки на теле синие пятна. Тогда вдова, перетряхнув все тряпье, какое только было в сундуке и клети, разыскала шесть грошей и позвала Гжегожову, знаменитую знахарку.

Мудрая старуха не спеша осмотрела больную, поплевала, как водится, кругом нее на пол, даже вымазала ее салом, но и это не помогло.

Тогда она сказала матери:

— Натопите, кума, печь, как для хлеба. Надо девочку хорошенько попарить, чтоб пропотела, тогда ее и отпустит.

Вдова натопила как следует печь, выгребла угли и стала ждать, что еще ей бабка прикажет.

— А теперь, — сказала знахарка, — положим девочку на сосновую доску и задвинем в печь. Пусть-ка она там полежит, покуда мы три раза прочитаем «Богородицу». Мигом выздоровеет, все как рукой снимет.

Женщины положили Розалию на сосновую доску (Антек забился в угол и глядел оттуда) и сунули ее ногами вперед в печку.

Девочка, как только ее обдало жаром, пришла в себя.

— Матуся, что вы со мной делаете? — закричала она.

— Молчи, дурочка, вся хворь твоя пройдет.

Бабы уже засунули ее до половины, и девочка забилась, как рыба в сетях. Она ударила знахарку, обхватила мать обеими руками за шею и закричала не своим голосом:

— Да вы сожжете меня, мама!

Но ее уже задвинули в печь, закрыли устье заслонкой и принялись читать:

— «Богородице дево, радуйся...»

— Матуся, матуся!.. — стонала несчастная девочка. — Матуся!..

— «Господь с тобой, благословенна ты в женах...»

Тогда Антек подбежал к печке и схватил мать за подол.

— Матуся, — закричал он плача, — да она же там помрет!

Но он только того и добился, что его стукнули по голове за то, что мешает читать молитву. А тут и девочка перестала биться о заслонку, метаться и кричать.

Но вот уже молитва трижды прочтена. Бабка отодвинула заслонку. В глубине печи лежал труп.

— Иисусе!.. — вскрикнула мать, увидев девочку, потерявшую человеческий облик.

И такая скорбь ее обуяла, такая тоска, что она насилу помогла знахарке перенести тело на лавку, потом упала на колени посреди хаты и, колотясь головой об пол, закричала:

— О Гжегожова!.. Что ж это вы наделали!..

Знахарка нахмурилась:

— Да не шумите вы... Может, вы думаете, девочка от жара покраснела? Это болезнь из нее так вышла, только чересчур скоро, оттого и уморила ее, бедняжку. Все в воле божьей!

В деревне никто не знал, отчего умерла Розалия. Не стало девочки — что же поделаешь! Так ей, видно, на роду написано. Мало ли ребятишек за год умирает в деревне, а все их много.

На третий день Розалию положили в свежестроганный гробик с черным крестом. Гробик поставили на телегу и повезли на двух волах за деревню, туда, где над завалившимися могилами высятся истлевшие кресты и белые березы. Дорога была ухабистая, гробик от тряски накренился набок, а Антек, уцепившийся за материнский подол, думал, идя за телегой:

«Худо там, видно, Розальке, если она места себе не находит и с боку на бок ворочается...»

Потом ксендз¹ окропил гроб святой водой, четверо парней опустили его на полотенцах в могилу, засыпали землей — и всё тут.

¹ Ксендз — католический священник.

Холмы, где шумели леса, и пригорки, поросшие кустарником, так и стояли на своих местах. Пастухи, как и раньше, играли в долине на свирели, — жизнь шла своим чередом, хотя в деревне не стало одной девочки.

С неделю поговорили о ней, потом позабыли и забросили свежую могилку, на которой лишь ветер вздыхал и стрекотали кузнечики.

А еще немного спустя выпал снег и распугал даже кузнечиков.

Зимой дети деревенских хозяев ходили в школу. Мать уже отчаялась дожидаться от Антека помощи по хозяйству и, посоветовавшись с кумом Анджеем, решила отдать его учиться.

— А в школе научат меня строить мельницы? — спросил Антек.

— Ого! Даже писать научат, как в канцелярии, была бы у тебя охота.

Вдова завязала в узелок сорок грошей, взяла мальчика за руку и с трепетом пошла к учителю. Войдя в горницу, она застала его за починкой старого тулупа. Поклонившись учителю в ноги, вдова вручила ему принесенные деньги и сказала:

— Низко кланяюсь вам, пан учитель, и покорнейше прошу: примите, ваша милость, этого сорванца в науку и, как родной отец, не пожалейте для него ремня.

«Его милость», у которого из дырявых сапог торчала солома, приподнял голову мальчика за подбородок, поглядел ему в глаза и похлопал по плечу.

— Красивый мальчик! — сказал он. — А что ты умеешь?

— И верно, красивый, — подхватила обрадо-

ванная мать, — да только ничего он, пожалуй, не умеет.

— Как же это? Вы его мать, а не знаете, что он умеет и чему выучился? — спросил учитель.

— А откуда мне знать, что он умеет? Я-то ведь баба, и мне все это ни к чему. А чему он учился, мой Антек, это я знаю. Он учился пасти скотину, щепать лучину, носить воду из колодца. И больше, пожалуй, ничему.

Мальчика определили в школу. Однако матери было жалко потраченных сорока грошей, поэтому для своего успокоения собрала она возле хаты нескольких соседей и стала с ними советоваться, хорошо ли она сделала, что отдала Антека в школу и ввела себя в такие расходы.

— Гм... — ответил один из хозяев, — учителю будто платит волость, так уж если на то пошло, вы могли и ничего ему не давать. Да он-то всегда требует денег и тех, что не платят ему, хуже учит.

— А хороший он учитель?

— Ничего... Когда говоришь с ним, он будто немного глуповат, но учит как следует. Вот мой мальчишка к нему только третий год ходит, а знает уже всю азбуку сверху вниз и снизу вверх.

— Э! Подумаешь, азбуку знает! — отозвался другой хозяин.

— А вот и подумаешь! — возразил первый. — Будто не слыхали вы, как наш войт¹ говорит: «Знал бы я хоть азбуку, у меня в такой волости было бы не меньше тысячи рублей дохода, как у писаря!»

Несколько дней спустя Антек в первый раз

¹ Войт — волостной старшина.

отправился в школу. Она показалась ему такой же прекрасной, как комната со стойкой в корчме, а скамьи стояли там одна за другой, совсем как в костеле¹. Только печка в школе развалилась и дверь не закрывалась, так что было холодновато. Лица у детей были красные, а руки они прятали в рукава; учитель ходил в тулупе и бараньей шапке. А осевший по углам иней тарасил на всех свои сверкающие глазки.

Антека усадили с другими учениками, еще не знавшими букв, и урок начался.

Памятуя наставления матери, мальчик решил во что бы то ни стало отличиться.

Учитель взял окоченевшими пальцами мел и написал на старой, без рамы, доске какой-то знак.

— Смотрите, дети! — сказал он. — Эту букву легко запомнить, она выглядит так, как будто кто казачка пляшет, и произносится: а... Тише вы там, ослы!.. Повторите: а... а... а...

— А... а... а... — хором закричали ученики первого отделения.

В их писке особенно выделялся голос Антека. Но учитель пока не обратил на него внимания.

Это огорчило мальчика и даже задело его самолюбие.

Учитель нарисовал другой знак.

— Эту букву еще легче запомнить — она похожа на крендель. Вы видели крендель?

— Войтек видел, а мы вроде нет... — сказал кто-то.

— Ну, так запомните, что крендель похож на эту букву, называется она: бе. Повторите: бе... бе... бе...

¹ Костел — католический храм.

Хор подхватил: «бе... бе...» И на этот раз Антек действительно отличился: он сложил трубкой обе руки и заревел, как годовалый теленок.

В классе раздался взрыв смеха, а учитель затрясся от гнева.

— А ну! — крикнул он Антеку. — Вот ты какой, оказывается, удалец! Это тебе не хлев, а школа. Ведите-ка его сюда, я ему дам жару.

Мальчик осто́лбенел от удивления, но не успел он опомниться, как двое самых сильных мальчиков подхватили его под руки, вытащили на середину класса и положили.

Антек еще не понял толком, в чем дело, как на него посыпались удары, и он услышал наставление:

— А ты, бездельник, не реви, как теленок, не реви!

Наконец его отпустили. Мальчик отряхнулся, как собачонка, вылезшая из холодной воды, и пошел на свое место.

Учитель написал третью и четвертую буквы, дети повторили их хором, и затем начался экзамен.

Первым отвечал Антек.

— Как называется эта буква? — спросил учитель.

— А! — ответил мальчик.

— А вот эта, вторая?

Антек молчал.

— Эта буква называется: бе. Повтори, осел!

Антек продолжал молчать.

— Повтори, осел: бе!

— Дурак я, что ли! — пробормотал мальчик, твердо запомнивший, что в школе реветь теленком нельзя.

— Да ты, бездельник этакий, к тому же и упрям? Поддать ему жару!

И снова те же мальчики подхватили его, растянули, а учитель всыпал ему такое же количество розог, на этот раз приговаривая:

— Не будь упрямец! Не будь упрямец!

Через четверть часа уже шли занятия в старшем отделении, а у младших началась перемена, и они отправились на кухню. Там под присмотром хозяйки одни чистили картофель, другие таскали воду или корм для коров. За этими занятиями провели время до полудня.

Когда Антек вернулся домой, мать спросила его:

— Ну что, учился?

— Учился.

— Влетело тебе?

— Еще как! Два раза.

— За ученье?

— Нет, чтобы согреться.

— Это только для начала. А потом тебе будет попадать и за ученье, — утешала его мать.

Антек встревожился.

«Что поделаешь! — размышлял он. — Бить-то он бьет, но пусть хоть покажет, как делать мельницы!»

С этого дня ученики младшего отделения заучивали всё те же первые четыре буквы, а потом отправлялись на кухню или во двор помогать учительной хозяйке. О мельницах и речи не было.

Однажды, когда мороз полегчал и сердце учителя тоже как будто оттаяло, он решил объяснить своим младшим питомцам пользу грамоты.

— Смотрите, дети, — сказал он, написав на доске

слово «дом», — какое это мудрое дело — писать! Вот эти три значка такие маленькие и так мало места занимают, а значат они — «дом». Как взглянешь на это слово, так у тебя сразу же встает перед глазами все здание: двери, окна, сени, комнаты, печи, лавки, картины на стенах, — короче говоря, видишь дом со всем, что в нем находится.

Антек протирает глаза, вытягивал шею, вглядывался в написанное на доске слово, но дома так и не увидел. Он толкнул своего соседа и спросил:

— Ты-то видишь хату, про которую говорит учитель?

— Не вижу, — ответил сосед.

— Стало быть, это вранье? — сделал вывод Антек.

Учитель, услышав последнюю фразу, крикнул:

— Что вранье?

— Что будто на доске дом. А там только и есть немного мела, а дома никакого не видать, — просто-душно ответил Антек.

Учитель схватил его за ухо и вытащил на середину класса.

— Дать ему жару! — закричал он.

И снова повторилась с мельчайшими подробностями уже известная мальчику церемония.

Антек вернулся красный, заплаканный. Дома он не мог найти себе места, и мать снова спросила его:

— Влетело тебе?

— А вы, может, думаете, не влетело? — просто-нак мальчик.

— За ученье?

— Нет, не за ученье, а так, чтобы согреться.

Мать махнула рукой.

— Что ж, — сказала она после некоторого раздумья, — придется еще подождать, как-нибудь достанется тебе и за ученье.

А потом, подбрасывая дрова в печку, ворчала себе под нос:

— Так всегда со вдовами и сиротами на этом свете бывает! Дала бы я учителю полтинник, а не сорок грошей, он бы живо за мальчишку взялся. А так — только баловство одно.

Антек, услышав это, подумал:

«Ну, ежели это баловство, то что будет, когда он примется меня учить!»

К счастью или к несчастью, опасения мальчика оказались напрасными.

Однажды — это было через два месяца после поступления Антека в школу — пришел к его матери учитель и после обычных приветствий спросил:

— Ну как, хозяйюшка, будет с вашим мальчиком? Дали вы за него сорок грошей, но это для начала, и вот пошел уже третий месяц, а я ни полгрошика не вижу. Так не годится. Платите хоть по сорок грошей, но каждый месяц.

А вдова в ответ:

— Где же я возьму, раз у меня их нет! Что ни заработаю, грош какой-нибудь, все идет в волость. Тряпку детишкам не на что купить.

Учитель поднялся со скамьи, надел шапку еще в комнате и ответил:

— Если так, то и Антеку нечего в школу ходить. Я даром руки свои утруждать не стану. Такое обучение, как у меня, беднякам не по карману.

Учитель ушел, а вдова, глядя ему вслед, думала: «И то верно. Недаром же испокон веков только

панские дети в школу и ходят. Где уж простому человеку на это денег набраться!»

Снова позвала она посоветоваться кума Анджея, и они принялись вдвоем экзаменовать мальчика.

— Чему же ты, постреленок, выучился за эти два месяца? — спросил его Анджей. — Мать-то отдала за тебя сорок грошей.

— Ох, отдала! — повторила вдова.

— Чему мне там было выучиться! — ответил мальчик. — Картошку чистят в школе так же, как дома, и свиньям корм так же задают. Только то, что я несколько раз учителю сапоги почистил. Так за это на мне одежку порвали этими... согреваниями.

— Ну, а из ученья ничего ты не понял?

— Чего там понимать! — отвечал Антек. — Когда вздумает он учить нас по-нашему, по-деревенски, — все врет. Напишет на доске какую-то закорючку и говорит, что это дом с комнатой, с сенями да картинами. А ведь глаза-то у меня есть: вижу я, что это не дом. А когда учит нас по-своему, по-школьному, то шут его поймет! Есть там несколько старших, что песни по-школьному поют, а младшие — спасибо, если хоть ругаться выучились!

— Поговори у меня еще, я тебе задам! — не утерпела мать.

— Ну, а хозяйством ты не надумал заняться? — спросил Анджей.

Антек поцеловал у него руку и сказал:

— Уж вы пошлите меня туда, где учат мельницы строить.

И мать и сосед, словно по команде, пожали плечами.

Злосчастная мельница, молотившая зерно на дру-

гом берегу Вислы, так запала в душу мальчика, что никакой силой ее оттуда нельзя было вырвать.

После долгих совещаний решено было ждать. Вот и ждали.

Шли неделя за неделей, месяц за месяцем. Мальчику сравнялось уже двенадцать лет, а помощь от него в хозяйстве все еще была невелика.

Он строгал свои палочки и даже вырезал из дерева всякие диковинные фигурки. И только когда у него ломался ножик, а мать не давала денег на новый, он нанимался к кому-нибудь на работу. То он ночами лошадей на лугу стерег, утопая в седом тумане и любуясь звездами; то водил волов на пашне; а то ходил в лес по ягоды или грибы и, набрав полную корзину, продавал ее за несколько грошей шинкарю¹ Мордке.

А дома у них все не ладилось. Хозяйство без мужика — что тело без души; а отец Антека, как известно, покоился уже несколько лет на том холме, откуда сквозь живую изгородь, усыпанную красными ягодами, глядят на деревню печальные кресты.

Вдова на пахоту нанимала работника, платила подать в волость, а уж на то немногое, что оставалось, кормилась с обоими детьми.

Вот и ели они изо дня в день пустую похлебку и картошку, иной раз кашу и клецки, реже — горох, а мясо — разве только на пасху.

Случалось, что и этого не было в доме. Тогда вдове незачем было топить печку, и она чинила сыновьям одежду. Маленький Войтек плакал, а Антек

¹ Ш и н к а р ь — содержатель шинка (шинок — питейный дом, кабак).

от скуки ловил в обеденную пору мух, а потом отправлялся во двор снова стругать свои лесенки, заборы, мельницы и фигурки святых. Надо сказать, что он начал вырезать и святых — правда, пока еще без лица и рук.

Наконец кум Анджей, верный друг осиротелой семьи, нашел Антеку место у кузнеца в соседней деревне. И вот в воскресенье он повел туда вдову и мальчика. Кузнец принял их хорошо. Он осмотрел руки и плечи Антека и, убедившись, что мальчик для своих лет достаточно силен, принял его в ученье с условием проработать в кузнице шесть лет без оплаты.

Страшно и тоскливо было мальчику глядеть, как его рыдающая мать и старый Анджей, простившись с ним и с кузнецом, скрылись за огородами на дороге, ведущей к дому. Но еще тоскливее стало позже, когда ему впервые в жизни пришлось ночевать под чужим кровом, в каком-то сарайчике, вместе с другими учениками кузнеца, которые за ужином съели его долю, а на сон грядущий дали ему несколько тумачков в залог будущей дружбы.

Но когда на следующее утро, поднявшись с рассветом, они отправились всей гурьбой в кузницу, когда развели огонь в горне и Антек принялся раздувать его пузатыми мехами, а остальные, запев вместе с мастером утреннюю молитву, начали ковать молотами раскаленное железо, в мальчике проснулась какая-то новая жизненная сила. Звон металла, мерные удары, песня, которой вторило лесное эхо, — все это опьянило мальчика. Казалось, в сердце его были натянуты какие-то струны, неведомые другим деревенским детям, и струны эти зазвучали только сего-

дня — под вздохи мехов и грохот молотов, в брызжущих из железа искрах.

Ах, какой отличный вышел бы из него кузнец! А может, и кое-что побольше... Но мальчик, хоть и страшно нравилась ему новая работа, думал попрежнему о своих мельницах.

Кузнец, нынешний опекун Антека, был человек обыкновенный. Он ковал железо и пилил его — ни хорошо, ни плохо. Случалось, он до того избивал мальчиков, что они распухали. Но больше всего заботился о том, чтобы те не слишком быстро выучились ремеслу. А то еще вздумает такой молокосос, окончив ученье, тут же, под носом у своего мастера, обзавестись собственной кузницей и заставит его старательней работать...

Надобно знать, что у мастера была одна особенность.

На другом конце деревни жил большой приятель кузнеца — солтыс¹, который обычно трудился не покладая рук, но когда ему перепало что-нибудь по службе, бросал все и отправлялся в корчму, куда путь лежал мимо кузницы. Бывало это раза два в неделю.

Возьмет заработанные на службе деньги и идет «под елку»², а по дороге, как бы невзначай, заглядывает в кузницу.

— Слава Иисусу! — окликает он кузнеца, не переступая порога.

— Вовеки! — отвечает кузнец. — Ну, как там, в поле?

¹ Солтыс — деревенский староста.

² Идти «под елку» — то-есть в кабаk, так как в старину на кабаках выставляли вместо вывески еловые или сосновые ветки.

— Ничего, — говорит солтыс. — А как у вас в кузнице?

— Ничего, — говорит кузнец. — Наконец-то вы из хаты вылезли.

— Да, — отвечает солтыс. — До того я наговорился в канцелярии, что надо хоть чуточку рот ополоснуть. Не мешало бы и вам избавиться от этой пыли. Может, пойдете?

— Отчего же не пойти, здоровье прежде всего, — отвечал кузнец и, не снимая фартука, отправлялся с солтысом в корчму.

А раз уж он ушел, ученики могли спокойно гасить горн. Хоть бы была у него самая спешная работа, хоть бы светопреставление началось, ни кузнец, ни солтыс до вечера не уйдут из корчмы, разве только солтыса вызовут по казенному делу.

Возвращались они домой уже поздней ночью.

Обычно солтыс вел кузнеца под руку, а тот нес бутылку с «полосканьем» на завтра. На следующий день солтыс был совершенно трезв и с рвением принимался за работу до следующего «приработка», а кузнец то и дело прикладывался к принесенной бутылке, пока не показывалось дно, и, таким образом, отдыхал два дня подряд.

Уже полтора года Антек раздувал мехи в кузнице, не интересуясь, казалось, больше ничем; — и полтора года мастер с солтысом регулярно полоскали рот «под елкой». Но однажды приключилось неожиданное происшествие.

Сидели как-то солтыс с кузнецом в корчме, и не успели они выпить по стопочке, как сообщили, что кто-то повесился, и насильно вытащили солтыса из-за стола. Кузнец, покинутый своим верным собутыль-

ником, вынужден был прекратить «полосканье» и, купив, как всегда, бутылку, потихоньку отправился к себе домой.

Тем временем в кузницу пришел крестьянин подковать лошадь.

Увидев его, ученики закричали:

— Мастера нет, он сегодня с солтысом «полощет рот»!

— А из вас никто не сумеет подковать? — спросил расстроенный хозяин.

— Да откуда ж нам уметь! — ответил старший ученик.

— Я подкую вам, — неожиданно сказал Антек.

Утопающий, говорят, хватается за соломинку, — так и крестьянин согласился на предложение Антека, хотя не слишком ему доверял, тем более что остальные ученики стали высмеивать его и ругать:

— Видали, какой выискался! Сам в жизни молота в руках не держал, а только огонь раздувал да угли подбрасывал, а туда же, берется лошадь подковать!

Но Антек, как видно, не раз держал молот в руках; он с усердием взялся за дело и очень скоро выковал несколько гвоздей и подкову. Подкова, правда, была великовата и не совсем ровная, но все же ученики разинули рты.

И в эту именно минуту вернулся мастер. Ему рассказали обо всем, что произошло, и показали гвозди и подкову.

Кузнец глянул и от изумления стал протирать налитые кровью глаза.

— Да где же ты этому выучился, мошецник? — спросил он Антека.

— В кузнице, — ответил мальчик, радуясь похвале. — Когда вы уходили «полоскать рот», а они разбегались, я ковал разные вещи из олова или железа.

Мастер был так ошеломлен, что забыл даже поколотить Антека за порчу инструментов и материала. Он поспешил посоветоваться с женой, и в результате мальчика изгнали из кузницы и определили по хозяйству.

— Уж чересчур ты, мой миленький, умен, — сказал Антеку кузнец. — Так ты, пожалуй, выучишься за три года ремеслу и удерешь. А ведь мать отдала мне тебя в услужение на шесть лет.

Антек пробыл у кузнеца еще полгода. Он копал землю в саду, полол, нянчил детей, колол дрова, но больше уже не переступал порога кузницы. За этим все усердно следили: и мастер, и жена его, и ученики. Даже родная мать Антека и кум Анджей, узнав о решении кузнеца, не могли ничего возразить. По условию и установившемуся обычаю, ученик только через шесть лет имел право кое-как разбираться в кузнечном деле. А если он оказался на диво сметлив и за один год сам обучился ремеслу, так тем хуже для него.

Но Антеку надоела такая жизнь.

«Чем здесь копать землю и колоть дрова, лучше уж я буду это делать дома у матери».

Так раздумывал он неделю, месяц, колебался, но в конце концов удрал от кузнеца и вернулся домой.

Однако эти два года пошли ему на пользу. Мальчик вырос, возмужал, повидал людей, а главное — научился обращаться с разными необходимыми ремесленнику инструментами.

Теперь, живя дома, он иногда помогал матери по

хозяйству, а большей частью делал свои машины и вырезал фигурки. Кроме ножика, у него уже были долото, напильник и буравчик, и он владел ими так искусно, что кое-что из его изделий начал покупать Мордка-шинкарь. Зачем? Этого Антек не знал, хотя его мельницы, избушки, замысловатые шкатулки, фигурки святых и резные трубки расходились по всей округе. Все удивлялись таланту неизвестного самоучки, даже немало платили за его изделия шинкарю, но мальчиком никто не интересовался и никто не думал протянуть ему руку помощи.

Разве кто-нибудь станет ухаживать за полевыми цветами, дикой грушей или вишней, хотя известно, что при некотором уходе из них можно было бы извлекать больше пользы...

Между тем на деревню обрушилось несчастье. Висла вышла из берегов, прорвала плотину и уничтожила прибрежные посевы. Для всех это было тяжелым бедствием, но больше всех пострадала мать Антека. В ее хату пришел голод. Надо было идти на заработки. Стала ходить и она, бедняга, и Войтека отдала в пастухи. Но этого все равно не хватало. И Антек, не желавший браться за крестьянскую работу, был для нее поистине обузой.

Старый Анджей, видя их нужду, стал настаивать, чтобы Антек пошел в люди:

— Ты парень смысленный, сильный, насчет ремесла ловкий. Ступай в город, там чему-нибудь научишься да еще матери будешь помогать, а здесь ты последний кусок хлеба у нее отнимаешь.

Антек побледнел при мысли, что придется ему по-

кинуть деревню, но он понимал, что другого выхода нет, и только попросил, чтобы ему разрешили пробыть дома еще несколько дней.

Мать за это время починила его одежду, взяла в долг у шинкаря рубль ему на дорогу, позаботилась, чтобы в котомке у него лежали хлеб и сыр, и заплакалась вдоволь. А Антек все медлил и со дня на день откладывал свой уход.

Это вывело наконец из терпения кума Анджея, и однажды, в субботу, он вызвал Антека из хаты и сурово сказал:

— А не пора ли тебе опомниться, парень? Ты что же, хочешь, чтобы родная мать из-за тебя с голоду и от тяжелой работы померла? Ты вон по целым дням бездельничаешь, а ей ведь не заработать своими старыми руками на себя да на такого, как ты, верзилу.

Антек поклонился ему в ноги:

— Я бы давно уже ушел, да жаль мне своих покидать.

— Ого! — воскликнул Анджей. — Грудной ты ребенок, что ли, без матери прожить не можешь? Парень ты хороший, слов нет, но такой лентяй, что рад бы до седых волос у матери на шее сидеть. Вот что я тебе скажу: завтра воскресенье, мы все будем свободны и проводим тебя. Стало быть, после обедни поешь — и в путь-дорогу. Нечего тут тебе сидеть сложа руки. Ты лучше меня знаешь, что я верно говорю.

Антеку пришлось смириться, и, вернувшись в хату, он сказал, что завтра уйдет в люди — искать работу и учиться. Бедная мать, глотая слезы, стала собирать его в дорогу. Она дала ему старую котомку, единственную в хате, и холщовый мешок. В котомку

она положила кое-что из еды, а в мешок — напильники, молоток, долото и другие инструменты, которыми Антек в течение стольких лет вырезал свои игрушки.

Наступила ночь. Антек улегся на жесткой лавке, но не мог уснуть. Приподняв голову, он глядел на догорающие угли, слушал отдаленный лай собак и наполнявшее хату чириканье сверчка, который стрекотал над ним так, как стрекочут кузнечики над заброшенной могилой его маленькой сестры Розалии.

Вдруг он услышал какой-то шорох в углу. Это мать его тоже не могла уснуть и тихонько всхлипывала.

Антек укрылся с головой сермягой.

Когда он проснулся, солнце уже высоко поднялось. Мать, видно, давно встала и дрожащими руками ставила горшки в печку.

Потом все вместе сели за стол завтракать и, перекусив, отправились в костел.

После обедни мать вернулась домой с обоими сыновьями. Не успели они поесть картофельной похлебки и немного клецок, как явился кум Анджей и, поздоровавшись, сказал:

— Ну, Антек, собирайся! Кому в путь, тому пора.

Антек подпоясался ремнем, закинул мешок с инструментами на одно плечо, а котомку — на другое. Когда все уже были готовы отправиться в путь, Антек опустился на колени, перекрестился и поцеловал пол в своей хате, как целуют пол в костеле. Потом мать взяла его за одну руку, брат Войтек — за другую, и, как жениха к венцу, повели его эти два самых близких ему существа к порогу жизни.

Старый Анджей плелся за ними.

— Вот тебе рубль, Антек, — сказала мать, суя в руку сыну тряпицу с медяками. — Не покупай, родной, на эти деньги ножик или другое что для резьбы, а спрячь их про черный день, когда нечего будет есть. А если заработаешь когда такие денёги, отдай их на обедню ради благословения господня.

И так они медленно шли по узкому ущелью под гору, пока деревня не скрылась у них из глаз; только из корчмы еще долетали тихие звуки скрипки и звон бубна с колокольчиками. Потом и это затихло. Они дошли до холма.

— Ну, пора возвращаться, — сказал Анджей. — А ты, паренек, все иди и иди по этой дороге и спрашивай, где город. Тебе не в деревне надо жить, а в городе, где люди привычней к молотку, чем к пахоте.

Но вдова попросила, рыдая:

— Кум Анджей, проводим его до распятья, там хоть можно благословить его!

А потом стала причитать:

— И где это слыхано, чтобы родная мать дитя свое на погибель вела? Уходили, правда, от нас парни в солдаты, да это по принуждению. Но чтобы по доброй воле кто уходил из своей деревни, где и на свет народился и в святой земле упокоиться должен, — никогда такого не видано! Ох, доля ты моя, доля! Вот уж третьего я из своей хаты провожаю, а сама все живу на свете!.. А деньги ты спрятал, сынок?

— Спрятал, матуся!

Дошли до распятья и начали прощаться.

Антек поклонился до земли матери, потом старому Анджею, поцеловал брата и тронулся в путь.

Но не успел он пройти несколько шагов, как вдова крикнула ему вслед:

— Антек!..

— Что, матуся?

— Если тебе там будет плохо, у чужих, возвращайся к нам... Благослови тебя бог!..

— Оставайтесь с богом! — ответил Антек.

Он прошел еще немного, и снова его окликнула опечаленная мать:

— Антек!.. Антек!..

— Что, матуся? — спросил он.

Голос его доносился уже слабее.

— Не забывай нас, сыночек! Благослови тебя бог!

— Оставайтесь с богом!

И он шел, шел, шел и наконец исчез за пригорком. В поле раздавались стоны горевавшей матери.

К вечеру небо заволокло тучами и пошел мелкий дождик. Но тучи были редкие, и сквозь них пробивались лучи заходящего солнца. Казалось, над серым полем и вязкой глинистой дорогой висит золотой свод, затянутый траурным крепом.

По этому серому, безлюдному полю, где не было ни одного деревца, по вязкой дороге медленно брел усталый мальчик в старой сермяге, с котомкой и мешком за спиной.

Ему казалось, что в этом глубоком безмолвии дождевые капли напевают знакомую заунывную песню:

Лесом бродит и долиной
Парень с песней соловьиной.
Песней гонит он тоску,
Ветер вторит пареньку...

Быть может, вы встретите когда-нибудь деревенского паренька, ищущего работы и знаний, которых он не мог найти у себя в деревне. В глазах его вы

увидите отблеск неба, отражающегося в спокойной водной глади, в мыслях его найдете простодушную ясность, а в сердце — неосознанную любовь.

Подайте этому мальчику руку помощи. Это наш меньшой брат — Антек; в родной деревне ему уже стало тесно, и он ушел в широкий мир, отдавшись на милость божью и добрых людей.

1881.

Цена 50 коп.

88

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор О. Лаврова. Художественный редактор В. Пахомов.
Технический редактор В. Голубева. Корректоры Е. Кайрукштис и
А. Ясиновская.

Сдано в набор 4/XII 1952 г. Подписано к печати 14/I 1953 г. Формат 60 × 92¹/₁₆ —
1,13 бум. = 2,25 п. л. (1,46 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 экз. А00425. Заказ № 1515.

Номинал — по преискуранту 1952 года.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Сущевский вал, 49.